

A close-up, artistic illustration of a woman's face. She is wearing a blue headscarf with a textured, woven pattern. Her eyes are a striking blue, looking slightly upwards and to the right. Her skin is fair, and her eyebrows are dark and well-defined. The lighting is soft, highlighting the contours of her face.

Страсти в Гареме

Роксолана

Королева
Османской империи

Страсти в гареме

Николай Лазорский

**Роксолана. Королева
Османской империи (сборник)**

«Алгоритм»

2014

Лазорский Н.

Роксолана. Королева Османской империи (сборник) /
Н. Лазорский — «Алгоритм», 2014 — (Страсти в гареме)

Она была пленницей, а стала султаншей. Была бесправной рабыней, а стала вершительницей судеб и владычицей Востока. Ее имя – Роксолана – вошло в мировую Историю. Ее удивительная судьба поражает: стоит только представить, какой путь преодолела юная девушка от рабыни в гареме турецкого султана до его любимой жены и отправительницы. Только ли ум и красота были оружием взойшедшей на трон Османской империи? Или, может, она действительно была ведьмой, околдовавшей султана Сулеймана, как тогда утверждали многие? На эти и другие вопросы ответит данная книга. В сборник включены самые яркие очерки известных писателей и историков о судьбе знаменитой славянки. Для всех любителей сериала "Великолепный век"!

Содержание

Великолепный век для Роксоланы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Лазорский, Ирина Кныш, Юрий Колесниченко, Сергей Плачинда Роксолана. Королева Османской империи

Великолепный век для Роксоланы Сергей Плачинда, Юрий Колесниченко

Сквозь века, сквозь тяжелые войны, революции распознаем их – верных сынов и дочерей украинского народа; сильные и мужественные натуры, вдохновленные фигуры, в сложных, трагических условиях, преодолевая опустошительные нашествия, царский деспотизм, панское невежество, темноту, отдавая свой талант, свои силы и саму жизнь на алтарь Отечества, во славу родной Украины...

Обаятельная, деятельная, волевая Роксолана, которая ни на миг не забывала свой родной край... Ей не суждено было увидеть свой народ счастливым, а край свободным, но ее труд сквозь все исторические невзгоды, взлеты и падения светит нам, светит в веках, в бессмертии, как легендарная неопалимая купина, ее красота, ее имя – это наша слава, это наша гордость.

Этот цветок всегда волновал людей. Ясенец его имя. Но еще в давние времена украинцы называли ее *неопалимой купиной*. Потому что в жаркий день на солнце он благоухал эфирными маслами, и тогда эту красоту можно было легко поджечь. Пылало пламя над ним, но цветок не сгорал. Угасал огонь – и он снова цвел, разрастался.

* * *

– Отец Иван, а у вас дочь – как мак. Хоть рисуй! Зоренька, право!

И каждый, кто сидел за праздничным столом в тени под грушей, обернулся в сторону погребца, из которого на теплое солнце вышла Настя, неся перед собой расписную миску с большими квашеными яблоками.

В саду куковала кукушка. Предсказывала кому-то долгую жизнь.

Пахло мятой, любистком. Цвели розы. Гудели пчелы. За домом, за острой крышей, сияли золотые кресты церкви.

В глубине двора, на риге, важно дремал, стоя на одной ноге, аист. Кипел зеленый праздник – Троица. Настенька заметила, что на нее все смотрят, остановилась в растерянности, покраснела и стала еще красивее.

А они – родители и гости – глаз с нее не сводили.

Отец смотрел удивленно, словно видел свою дочь впервые. Но, правду говоря, так оно и было, потому что он – рогатинский священник Иван Лисовской – только недавно, после Пасхи, вернулся из дальних долгих походов против татар и турок, на которых он благословлял казаков на бой с бусурманом, исправно служил панихиды по погибшим и частенько сам брался за саблю. Поэтому и обратил внимание отец Иван на то, как выросла дочь.

С печальной улыбкой поглядывал на сестренку Трофим – старший брат, чернобровый статный хлопец. Он подумал о том, что скоро расставаться с Настей, с матерью, с родным домом, потому что после жатвы дядя Максим заберет его, Трофима, в Сечь. Кто знает, когда вернется он оттуда и вернется ли вообще.

Мать смотрела на дочь с любовью, думалось ей светлое и одновременно тревожное, глаза ее наполнились слезами, и на загорелые руки упала счастливая слеза.

Ласково смотрели на девушку крестный отец Тарас Гузь и крестная мать – они сюда пришли сразу из церкви.

А побратим отца, плотный, словно из дубового корневища вытесанный казак из Канева, дядя Максим, добавил к своим прежним словам:

– Может, отец, еще и посватаемся. У меня же двое сыновей. Один в Сечи, второй – оружейником в Киеве, на Подоле...

– А как же! – воскликнул отец и подмигнул в сторону еще одного гостя – Эрнста Тынского, молодого удалого сотника из Бережан. Эрнст служил в армии венгерского короля и недавно познакомился с отцом Иоанном, когда приезжал в Рогатин по служебным делам. Теперь Тынской – частый гость. Вот и сейчас его конь на привязи у плетня, а шляхтич сидит за столом в пестрой, расшитой золотом венгерке и при сабле. Лисовский понимает причину прихода: Настя. Но отца Ивана совсем не интересует жених-католик, поэтому он так охотно одобрил слова своего побратима Максима. И хотя Эрнст покраснел, заерзал на скамье, Лисовский поднял чарку с крепким медом:

– Можно и выпить за такую оказию.

– Конечно! – властно крикнула мать. – Девушке шестнадцатый годок, а они уже продают ее! Слава Богу, дождалась помощи, стану я ее куда-то отдавать. В Рогатине полно женихов, зачем мне этот Киев или Запорожье...

Мужчины только переглянулись после этой бойкой тирады.

– Не кричи, старая, – нежно сказал Лещинский. – Поблагодарим Бога за то, что послал нам такую девушку, здоровую трудолюбивую.

– Еще и вежливую, – сказала крестная, – и добрую, как ясочка лесная.

– А еще и умная, – добавил басом костлявый отец Петр, сидевший скромненько в конце стола. Отец Петр – священник в старейшей в Рогатине деревянной церкви, стоявшей неподалеку от каменного храма, где служит Лисовской. Отец Петр, помимо всего прочего, ведет школу в Рогатине, учит детей украинскому, польскому, латинскому языкам, сам преподает географию, риторику и математику. Настя Лисовская – лучшая его ученица, и старик решил также добавить словечко, любуясь лицом своей воспитанницы.

А Настя действительно как картинка. Огромные карие глаза, а над ними, как черные молнии, – тонкие брови. «Одна бровь стоит вола», – ввернул дядя Максим. Нежный румянец, белое личико, тяжелая русая коса ложится на плечо. А еще – вышитая сорочка, красивое ожерелье, узорчатая плахта и чистые белые босые ноги.

– Неси, дочка, – мягко приказала мать. Настя шагнула и замерла: где-то в конце улицы послышался отчаянный крик, неожиданный и тревожный во время праздника.

За столом беспокойно переглянулись. Только отец будто ничего не слышал – наливал мед в деревянные чарки. Переодетый после службы в вышиванку, малиновые шаровары, он был нарядный и веселый: радовался, что вернулся из походов живым, основательно вспахал поле, засеял пшеницей и ячменем, тем временем прошли обильные – к урожаю – дожди; он закончит жатву и начнет со своими прихожанами укреплять Рогатин каменной стеной, а нынче приятно посидеть среди родных под грушей, которую неизвестно кто посадил – дед или прадед.

А с улицы доносился конский топот, и совсем близко, сразу за забором, тонкий испуганный голос прокричал:

– Татары! Татары!

По улице на коне, вихрем, промчался мальчик-пастушок, он-то и выкрикивал эти страшные слова. За ним летел табун, который хлопцы водили на ночь. Напуганные, неожиданно одичавшие лошади пуще возвестили о беде, чем крик мальчика.

Настя окаменела с миской яблок в руках.

– Матерь Божья! – воскликнула одна из женщин.

А отец, несмотря на грузное телосложение, мгновенно оказался в доме и через мгновение выскочил с саблей и мушкетом, который сразу перехватил гость из Канева.

Юлиуш Коссак. «Татарский танец»

– Пан отец!.. – осадил взмыленную лошадь соседский мальчик Ваня, который пас и лошадей Лисовских. – Орда... с Веселой рощи. Стадо отобрали, а мы с лошадьми убежали...

Во двор вбегали лошади. Их перехватывали Трофим, отец.

На церкви зазвонили колокола – тревожно, громко, часто.

– Трофим, седлай!

Заголосили женщины. Залаяли собаки. Заржали лошади. Поблек праздничный день.

Дядя из Канева уже на коне, на улице.

Бегут люди; матери с детьми. Забегают во двор к священнику, умоляюще смотрят на своего духовного отца.

– В храм, старики! – властно говорит отец Иван. – Девчата и хлопцы – в овраг! Тихо там сидите! С детьми – в храм... Жена, Настя, – в овраг... Мужчины, к оружию... За мной...

В руке Лисовского – сабля. Он уже на коне, гарцует по подворью. Глаза его горят победой.

– Быстро, люди! Но не тащите свои рядна... души спасайте. Скорее, девчата! Задержим, пока вы укроетесь... Старики, не бегите за молодыми, вы отстанете и приведете с собой татар в овраг!.. Детей не берите туда: будут плакать – басурмане услышат!.. Настя!

А она все еще стояла как каменная. Мать схватила ее за руку, миска полетела в траву, большие квашенные яблоки рассыпались по красной смородине.

– Беги в лес, дочка!

– А вы, мама?

– А я... не побегу... буду в храме.

– И я с вами... Нет, только с вами!

По улице проскакал конь шляхтича Эрнста Тынского и быстро помчался на запад.

– Сбежал, трясогузка! – яростно сверкнул глазами Лисовской. – Я хотел через него передать... Трофим! – позвал сына. – Быстро огородами к дядьке Свириду. И – в Тербовлю с ним. Там казацкая часть. Да и пусть они на помощь позовут польский отряд из Тернополя. Понял? Лети, сынок, Бог в помощь, и... прощай.

Трофим на добром коне исчез в зарослях сада.

Люди бежали в церковь. У входа стоял дьяк в черной рясе с иконой в руках – стоял неподвижно, словно ждал конца света.

Староста на колокольне всю звал в колокола.

– Оберегай, отец Феодосий, храм иконой, а мы – саблей! – Крикнул Лисовской дьяку и повел немногочисленный отряд вооруженных рогатинцев туда, откуда уже поднимался к небу черный столб дыма.

– Отец! – воскликнула Настя, но толпа затолкала ее внутрь церкви, где горели свечи, а из темных стен успокаивающе смотрели на людей святые.

Настя смотрела на все невидящими глазами, она была потрясена и поражена, пока еще не пришла в себя.

Мать, вся в слезах, потянула дочь за руку:

– Сюда, доченька... Горе... Становись на колени... Помолимся Господу – он защитит и отведет.

В углах церкви женщины прижимали к груди младенцев, неистово молились старушки: церковь наполнилась людским гомоном.

Так прошел какой-то час. Вдруг, будто ветер подул: прибежали мальчишки из своих хат:

– Горит церковь отца Петра...

– Отец Петр не выходит из нее...

– Татары на соседней улице...

– Наши их косят, секут, а те лезут... – громче, отчаяннее произносились молитвы. И вдруг истошный крик женщины у входа.

Тяжелый топот ног снаружи. Пах! – Стрела впиалась прямо в темно – восковой лоб Николая – угодника... Гортанные чужие крики, как собачий лай...

– Татары!

– А-а-а!

Они ворвались в церковь, как голодные волки. Ворвались хищные, злые. С кривыми саблями, окровавленными ножами. Грязные, пыльные лица. Засаленные косматые островерхие шапки. Дикие взгляды налитых кровью глаз. Ловцы людей. Снуют. Схватили одну женщину, вторую... Швырнули младенца о каменный столб – и всех взбудоражил сумасшедший крик матери. Полилась кровь по холодному полу, брызнула на стены, иконы.

Церковь превратилась в страшный ад. Только святые угодники безразлично наблюдали за дикой резней.

Согласно своим страшным обычаям, татары уничтожали младенцев, маленьких детей, а девушек, молодых женщин, подростков хватали, связывали вместе.

Скрутили руки и Насте. Она совсем близко увидела щелочки красных нечеловеческих глаз. Мать бросилась защищать дочь, укусила вонючую руку татарина, который взвыл от боли. Над матерью блеснул нож.

– Мама! Мамочка!..

Лежит мать, истекает кровью, что-то шепчет. Слышит Настя:

– Доченька... хотя бы руками задуши бусурмана.

А Настю несут. По крови... по детским тельцам... Воздух дрожит от неистового, сумасшедшего крика матерей. На улице, перед входом в церковь, Настя увидела дьяка... Лежит он с прижатой к груди иконой – лежит без головы. Настю бросают на траву. И тотчас раздается чей-то властный окрик. Девушку отпускают. Перед ней на белом коне какой-то татарин в чистой шелковой желтой одежде, белой мохнатой шапке. Клинообразная рыжая борода, широкие скулы. Прищуренные глаза жадно разглядывают ее. Улыбнулся. Не по-человечески, хищно. Прищелкнул языком. И махнул рукой. Насте скрутили руки, бросили на подводу. На какие-то узлы, на украденные украинские ковры. Повезли.

А вокруг горит село. По садам, сараям шныряют вороватые фигуры с ножами. Крики, стенания. На улице – трупы татар. И хлопцы наши с саблями и цепями лежат. И у целой горы бусурманских трупов – малиновые шаровары, вышиванка – уже не белая, а красная... Руки раскинул, ниц лежит...

– Отец! – затрепыхалась в веревках Настя. – Родненький мой... Встаньте, посмотрите... На кого же покинули меня?.. Добрый мой батюшка...

Молчит отец Иван. Лежит, порубленный, прислонил ухо к земле. Будто прислушивается к стону земли.

* * *

Степи. Безграничные, зеленые, ароматные от трав и цветов. Орлы в чистом голубом небе. Свист сусликов.

Но не радует степная красота Настю Лисовскую, ее односельчан. Их гонят огромной толпой, гонят вместе со скотиной.

Девушки, женщины, связанные канатами парни, мужчины в колодках, и вокруг на лошадях – всадники в косматых шапках, с грязными, обгоревшими на солнце, чужеземными лицами. Тяжело скрипят телеги, наполненные украинскими сундуками, словно в такт гнетущей мелодии:

Там в долине огни горят,
Там татары полон делят...
Один полон с женщинами,
Второй полон с девушками...

Рыжебородый не позволяет Насте идти пешком. Она – на телеге. В тени грязной халабуды. Настя пытается спрыгнуть в толпу, ей стыдно сидеть на телеге, когда все односельчане сбили в кровь ноги, но старый татарин силой удерживает ее, грозит кнутом.

Не трогают ее вечерами, когда хищные ордынцы целыми группами тащат рогатинских девушек в высокую траву. Тогда она закрывает уши, чтобы не слышать отчаянных воплей, жалобных девичьих криков.

– Мама, мама, за что такое наказание? Что со мной будет дальше? – рыдает под навесом Настя.

Иногда ей кажется, что все это страшный сон, что вот-вот он кончится, и она, Настя, снова окажется на своем зеленом дворе, а за столом под грушей сидят отец, мать, Трофим, и дядька Максим рассказывает о ее счастливой жизни, о невесте, и кукушка в саду предскажет всем долгие годы...

Нет, не сон. А отца у нее уже нет. И матери тоже. Остались там, в родном селе, порубленные, посеченные, их похоронят люди, которые придут из соседних сел. Или из Тербовли, куда, видели односельчане, все-таки поскакали Трофим и дядько Свирид. Поэтому, все ждут, то и дело оглядываются: нет ли погони? Не слышен ли топот казацких лошадей? Но чем дальше, тем меньше надежды...

В то воскресенье, ограбив и разорив деревню в праздник Троицы, захватив богатый ясырь и догнав нескольких беглецов возле оврага, погнали татары всех из Рогатина на юг. К ним присоединились еще два отряда, которые грабили соседние села. Остановились на ночь в каком-то лесу, и отдохнуть не пришлось, потому что среди татар поднялся шум – рядом казаки. Бросили ордынцы большую часть скота – трусцой погнали людей и привязанных к телегам коров и лошадей. Гнали, гнали и гнали. Тарахтели подводы, падали на землю сундуки с награбленным добром – его уже не поднимали, – а того, кто громко кричал, тут же пронизывали копьем. Потом весь день скрывались в роще у самого Днестра и снова – петляли, бежали, подгоняемые палками люди, пока не оказались в степях. Уже здесь Настя, которая до сих пор лежала связанная на телеге, увидела в группе свою крестную мать и казака из Канева. На стоянках в степи всех мучила жажда, – Настя приносила своим кувшин, полный холодной воды, которую

ей давал сам рыжебородый. Крестная мать из упитанной черноволосой женщины превратилась в засушенную старуху. Дядьку из Канева сильно избили. Настя промыла ему раны, перевязала голову лентами со своей рубашки.

– Вот так погостил! – бушевал дядько Максим. – Вот высватал ясочку для своих сыновей.

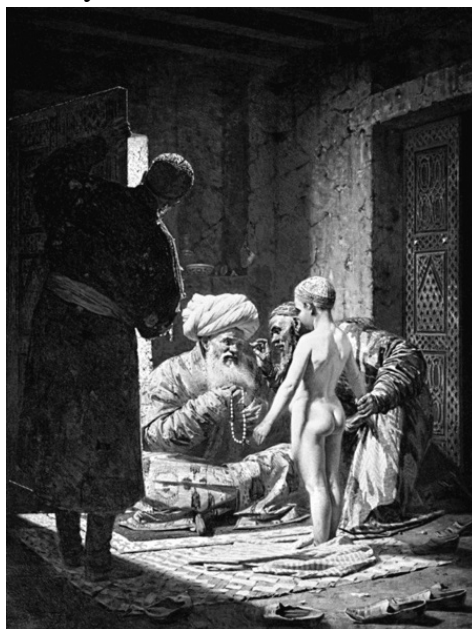
– Где же наши? – горько вздохнул дядька, глядя на горизонт. – Где же наш гетман Ружинский, с которым я и твой отец, царство ему небесное, били Мелик-Гирея под Белгородом в позапрошлом году, когда бусурманский хан убежал от нас? Где же казаки? И не знают, пожалуй, в Сечи, что татары вытворяют. Не могут, изверги, Сечь укусить, большую Украину, так по окрестностям шныряют, как разбойники! Видишь: откусят и – бежать! Ворюги! Еще и выбрали день – Троицу, когда весь православный мир пьет – гуляет! Эх, вырваться бы мне на волю, я бы отплатил и за Ивана, и за всех.

– Что с нами будет? – шепчет Настя. – Куда нас ведут?

– В Крым, дочь. Продавать нас, как быдло. А потом прикуют цепями к веслам на галерах. Станем рабами вечно. А тебя, доченька, купит в жены какой-то старый хан...

– Ой, никогда! Я покончу с собой, но этого не будет!

– Не бери грех на душу, Настя. Ничего не поделаешь. Не уберегли мы околицу вашу. Так случилось. Главное: не забывай Украину. А когда станешь женой, или служанкой, или рабыней у хана или еще у какого-нибудь ирода, будь они прокляты, не забывай, дочка, кто ты и откуда. Помни, что в татарских темницах много наших казаков гибнут, от ночи и до ночи умирают на тяжелой работе. И если ты, зоренька, окликнешь их на родном языке, для них это будет большим счастьем. А еще если ты, служанка, или рабыня, или жена, ключи украдешь и выпустишь казаков на свободу, тогда уже тебе почет вовек. Но когда еще и задушишь собственными руками какого-нибудь бусурмана, тогда тебя Бог не забудет. Только сама не обусурманься, доченька. Осиротела ты, но не совсем: не забывай веру свою, язык родной, – дома его не замечаешь, этот язык, а на чужбине он как отец, и мать, и вся Украина.

Василий Верещагин. «Продажа ребенка-невольника»

Серьезно задумалась Настя над этими словами, вспомнила материнское: «Хотя бы руками задуши бусурмана».

...Гортанные возгласы, хлопки кнутов быстро поднимают людей и снова гонят их, гонят, гонят. Сидит Настя в шалаше, а слова дядьки Максима не идут из головы. И еще перед глазами мать, отец и отец Петр, ее учитель. Односельчане рассказывают, что он встал возле церкви с

саблей, не одного татарина зарубил, а когда загорелась церковь, в ней и сгорел. Не спасался и не убегал.

– Вечная вам память тебе, отец, – шепчет Настя.

Бредут люди. Красивые девушки – их красоту осквернили. Матери несут истощенных детей – из них потом вырастут янычары. Казаки – они поседеют на галерах и однажды исчезнут в морской пучине... Бредут и оглядываются. Не видно? Не слышно?

Нет, не видно. Не слышно.

Как-то вечером пленники увидели волны Днепра, стены небольшой крепости на берегу и огромный паром, на котором их должны перевезти в проклятую татарщину, как на тот свет. И тогда они оставили все надежды на спасение. Падали на колени, целовали родную землю, рвали полынь, засовывали под рубашки на память, плакали, рыдали:

– Прощай, мать-Украина!

– Прощай, мир крещеный!

– Прощай, белый свет!

А на рассвете появились казаки. Стали штурмовать крепость, уничтожать татарский гарнизон, и здесь, на стене, в коротком лютом бою погиб Трофим, так и не увидев родной сестры. До вечера пылала бусурманская крепость. Каждый закоулок осмотрели, но пленников нигде не было.

А Настя уже на шумном, крикливом страшном базаре в Кафе. Вот она, Кафа, о которой не раз рассказывал отец. Кафа, которой пугали детей в Украине.

Солнце палит с самого утра. С моря дует горячий соленый ветер. Кипит человеческое море. И что удивило Настю, среди ордынского гомона слышна украинская речь. Даже слепой кобзарь уселся в тени крепостной стены, тихо напевает казацкую думу.

Настя стоит под шелковицей. Ее продает сам рыжебородый. Его служанки искупали Настю, одели в шелковую магробу, что так красиво облегает ее стройный стан. Перед ней – целая толпа татар, каких-то смуглых чужаков в пестрых одеждах, все чмокают языками, рассматривают ее, что-то обсуждают с рыжебородым и сокрушенно покачивают головами, – наверное, слишком высокую цену запрашивает за нее проклятый татарин. А неподалеку – рогатинцы, ее односельчане. С ними обращаются грубо – щупают мышцы, осматривают зубы, крутят во все стороны. И вот уже крикнул Насте дядька Максим, окруженный чужаками в белых длинных одеждах:

– Прощай, Настя... Помни мои слова: не забывай веры своей, Украины и родной язык – он тут как голос с неба.

– Люди добрые, – поклонился дядька Максим рогатинцам, – может, кто вернется в Украину, передайте сыновьям в Сечь и в Киев, что их отец Максим Некора был продан в Сирию на галеры. Видимо, навсегда. Прощайте, земляки, и простите меня.

– Пусть Бог простит, – вздохнула площадь.

И только кобзарь сильнее затосковал, запричитал словами старой песни:

Ой, чужбина, чужбина,
Почему здесь так студено?
Нет ни ветров, нет ни морозов,
А глаза мои полны слез...

А за Настю идет торг. Что-то азартно судачат татары и чужестранцы, спорят, теребят свои кошельки.

Неожиданно все замолчали. Уважительно поклонились кому-то, – в сопровождении свиты на коне подъехал почтенный господин в дорогой одежде, белоснежной чалме, ярких сафьяновых сапогах.

Кривая сабля играла на солнце драгоценными камнями. Лошадь гарцевала, разгоняя людей. «Богатый турок какой-то, – подумала Настя. – Недаром татары так прогибаются перед ним».

Действительно, все вокруг стали перешептываться: «Паша Ага». А он гордо глядел по сторонам, прищуривая глаза. Вот скользнул взглядом по Насте, потом еще раз посмотрел – и уже не отводил восхищенных, широко раскрытых глаз. Подъехал ближе, соскочил с коня. На красной морде рыжебородого появилась довольная улыбка: подъехал толковый купец.

Да, юность брала свое: ни страшное сиротство, ни адское горе, ни чужеземный город не стерли с нежного личика Насти нежного румянца. Не поблекли ее брови и сочные губы. Большие карие глаза смотрели на мир печально, и в этом тоже была своя прелесть. Настя немного похудела, но стала еще стройнее, гибче.

– О, Роксолана, – сказал, наконец, паша. Настя презрительно скривила губы – она слышала от отца, что украинских девушек турки зовут Роксоланами.

Паша протянул руку и кончиками пальцев дотронулся до Настиной щеки. Но она ударила его по руке, и все вокруг испуганно переглянулись, а рыжебородый почернел.

Богатый турок одобрительно кивнул головой.

– Добре, добре, – медленно произнес он украинские слова.

О чем-то спросил рыжебородого, потом кивнул кому-то – подошел золотоноша с большой шкатулкой, и в подол широкого халата татарина посыпалось золото. Быстро опустела шкатулка. Низко-низко склонился рыжебородый, как будто золото пригибало его к земле. А Настю мгновенно посадили на носилки, и черные, голые до пояса рабы понесли ее за пашой.

Над Кафой не затихала многоголосая суета.

«Нет, сейчас все прекратится. Я не поеду в проклятый Стамбул. Разве оттуда можно убежать в Украину? Никогда. Прости меня, Боже...»

Настя перегнулась через толстый борт галеры. Плещет, бьется волна о корабль. Светит месяц, выстилая серебристую дорожку к призрачному горизонту. Тишина на корабле. Все спят. Только скрипят уключины, слаженно бьют весла по воде – полный штиль, и невольники-гребцы выбиваются из сил.

«Сейчас, сию минуту... прыгну в воду... Все, прощай, белый свет!»

Настя смотрит в воду, на сверкающие отблески. Неужели все кончено? Но какая-то сила прижимает ее к палубе, не дает и шагу ступить. Ой, не хочется умирать! Но не хочется и плыть за море – оттуда уже не вернешься в Украину. Лучше умереть...

Но не одна она плывет. И там, в проклятой Турции, много украинцев. Отверженных, забытых, несчастных. А может, ей удастся чем-то помочь им, может, и отомстит за смерть родного отца и матери? А может, этот проклятый паша сделает ее своей женой или служанкой, и она убежит с казаками домой?

Настя отходит от борта галеры.

А снизу, из-под палубы, где сидят галерники, доносится песня. Тихая, печальная, и Насте удается расслышать некоторые слова:

Бедная наша, бедная наша головушка, что чужая сторонущка...

Девушка осторожно, чтобы не разбудить стражу и своего слугу-негра, спускается к галерникам, но они замолкают.

Голые по пояс. На ногах кандалы. Одни гребут, другие лежат тут же на скамьях – спят после тяжелой каторжной работы.

– Вы с Украины? – тихо спрашивает Настя.

– Слышь, Семен? Она по-нашему говорит.

– С Украины, дочка.

– И ты, ты тоже с Украины?

– Что, доченька? Жива ли еще она, наша матушка?

– А звезды светят?

– И давно ты оттуда?

Те, что спали, просыпаются, они с жадностью смотрят на нее, ждут.

– Третья неделя, как я с Украины.

– Третья неделя... а мы... – Длинные весла падают в воду все медленнее и медленнее.

– Братья! Это же будто бы вчера она там была... И откуда ты?

– С Рогатина.

– А мы из Черкасс... Из Сечи... Из Полтавы... Миргорода.

– Рогатин... Далеко забрались бусурманы.

– Во время Троицы налетели, – рассказывает Настя.

– Изверги, осквернили Зеленое воскресенье. А кто сейчас гетман?

– Ружинский... Разбили в прошлом и позапрошлом году Мелик-Гирея... Мой отец участвовал в походах.

– Да, да... Евстафий, значит, гетман, пусть будет здоров!

– Мало он по морю гуляет...

– Не обленился...

– Забыл о нас... Уже семнадцать лет прикованы...

«Семнадцать лет, – шепчет Настя. – Это еще на свете меня не было».

– Вот какие девчата в Украине подрастают!

– Только кому эта красота достанется? Хану в гарем?

– Не все же хану, останется и для Украины. Видишь, как красиво говорит.

– Спасибо, доченька, что обратилась к нам. Расскажи еще что-нибудь об Украине.

Галерники перестали грести, и корабль остановился. Тут же свистнула плеть, послышалась гортанная ругань часового, зашумели надзиратели, и невольники взяли за весла.

– Иди, дочка, спасибо тебе, услышали живое слово с Украины, и уже полегчало.

Заскрипели уключины, опять слышен плеск волны за бортом. Настя поднялась наверх, в свой угол.

Когда утром Настя проснулась, корабль стоял. В окошке она увидела сверкающий на солнце город – высокие белые минареты, роскошные дворцы, низкие здания.

Чужой город. И чужое небо – какое-то синее, непрозрачное, не такое нежно-голубое, как на Украине. Дальней, родной Украине...

Константинополь. Вид с башни Сераскир

Послышался шорох, и Настя быстро укрылась по самые глаза. Вошел паша, уже не такой важный и напыщенный. Настя удивилась, когда он слегка поклонился ей и плавно протянул руку к окну. Сказал на ломаном украинском языке:

– Вот Стамбул. Столица империи. А скоро тебе, Роксолана, окажут высокую честь – я тебя покажу царю царей, султану из султанов, наместнику Аллаха, великому Сулейману! – паша, произнося эти слова, приложил руку к груди и поднял кверху глаза.

Настя не сдержалась, насмешливо улыбнулась – улыбнулась впервые за эти страшные дни, – слишком неискренни были ужимки пожилого паши при упоминании султана. «А зачем меня показывать Сулейману?» – подумала девушка.

* * *

Несколько дней Настю готовили к встрече с султаном, ее поселили в двух роскошных больших комнатах в девичьей части гарема – серале. Искусно зарешеченные окна выходили на бухту Золотой Рог, где покачивались дубы, галеры, парусники, бригантины. Настя видела гребцов – полуголых, обветренных, мускулистых. Среди них, видимо, были и земляки.

Дверь вела в большой двор – там журчали фонтаны, пахло цветами и горделиво прохаживались стройные красавицы с черными длинными волосами и такими же черными злыми глазами. Да – невольницы султана из гарема. Настя вышла в сад, ее обступили одалиски, наложницы, старые валиде – жены усопших султанов, мрачно рассматривали юную красавицу.

Настя не увидела ни одного участливого, даже теплого взгляда. Все смотрели с завистью, как на соперницу, и девушка чувствовала, что обитательницы гарема готовы ее растерзать.

«Неужели мне суждено жить среди этих змей?» – тоскливо подумала Настя и скрылась в свои покои. Днями не отходила от окна, смотрела на бухту, всматривалась в горизонт.

«Почему я не птица? Полетела бы в Украину, в свое село. Мама, мама, кто тебя похоронил? И где? А отец... А Трофим... Жив? Почему не спешит с войском запорожским освобождать христиан – земляков и свою сестру из неволи? Увы! Разве придут они сюда, на край света, за море Черное, холодное? Сюда и ветры с Украины не долетают. Не увидеть мне больше родного края, родительских могил, белой хаты, не увидеть и брата».

Печалилась Настя. И злость, беспощадная ярость закипает на врагов, которые так внезапно, по-воровски ворвались в ее мирную, счастливую жизнь, осиротили, поработили...

«Ну, я должна что-то сделать. Задушу хотя бы одного турка. Может, и самого султана! Нет, лучше сожгу дворец. Чтобы горел и огонь увидел бы весь мир. Чтобы и на Украине услышали, как отомстила Настя Лисовская!»

Настя ходила по тускло освещенным покоем, и в ее голове созревали разные планы. Но остановилась она на одном: поджечь дворец. О, как будут гореть эти деревянные украшения, ковры, ткани. Она будет готовиться долго, терпеливо, но осуществит свой замысел.

А вокруг девушки суетились служанки, евнухи-негры. Купали ее в душистых, ароматических купелях, подбирали роскошные наряды. Только к лицу Настя не позволяла прикасаться – ей не нужны румяна, белила, духи. И служанки и евнухи удивлялись, натянуто улыбаясь.

Настя выросла среди искренних, открытых людей, и эти искусственные улыбки раздражали ее.

– Вы такие же несчастные, как и я, почему неволите душу – улыбаетесь, когда хочется плакать? – говорила им Настя. Но рабы не понимали и продолжали скалить зубы.

На третий день пришел паша. Он низко поклонился Насте, как хозяйке, придирчиво осмотрел ее с ног до головы и остался очень доволен. Настя была очаровательна.

На плохом украинском языке паша (звали его Хусейн) стал учить девушку, как она должна вести себя перед султаном. Надо подойти к повелителю повелителей и упасть перед

ним на колени. Затем поцеловать подол золотого халата или кончик серебристого ботинка. Потом ждать, что скажет повелитель.

Выслушав пашу, Настя гневно сказала:

– На колени я упала бы только перед родителем, если бы они вернулись сюда с того света.

Но еще перед тем, кто освободил бы меня из неволи...

Паша не понимал слов девушки – показывал, как она должна падать ниц.

На следующее утро паша снова пришел и велел одеть Настю: они пойдут к султану.

Девушку одевали, а паша время от времени поглядывал во двор на солнечные часы. Наконец все было готово, Настя стояла, покрытая легким голубым туманом, как сказочная фея с древних легенд и мифов. Но фея едва сдерживала слезы.

– Не забывай, что ты должна делать, – напомнил паша. И повторял еще и еще, только возбужденно, нервно. У Хусейна тряслись руки, Настя поняла, что паша боится рассердить султана, боится не угодить ему.

– Не забудь... не забудь поцеловать ботинок, иначе... – Паша черкнул ладонью по шее.

«О, наверное, если я не поклонюсь султану, паше отрубят голову. Ну что ж, хотя бы так отомщу за надругательства».

Они шли по бесконечной анфиладе роскошных комнат падишаха. Теперь судьба юной красивой украинской девушки зависела полностью от Сулеймана, которого историки всех времен и народов называли одним из самых грозных и могущественных повелителей Турции.

«Я, – писал Сулейман, – султан среди султанов, царь царей, раздающий короны монархам во всем мире, тень Аллаха на земле, султан и падишах Белого (Эгейского) и Черного морей, Анатолии, Карамании, Румынской земли, Зулькадраша и Диарбекера, Курдистана, Азербайджана, Персии, Дамаска, Алеппо, Кипра, Мекки, Медины, Иерусалима, всей арабской земли Аравии, Йемена и многих других земель, завоеванных оружием моих благородных и славных предков (да освятит Аллах их могилы!), а также добытых огненным мечом и победоносной саблей моего августейшего величества...»

Сулейман Великолепный – называли его в Европе, потому что европейские посланники ни у кого не видели столько золота и таких роскошных позолоченных дворцов, и щедрых пиров, и больших охотничьих выездов. Только у Сулеймана.

Османская Порта беспощадно грабила подневольные народы и поэтому в первой половине XVI века была одной из самых мощных и самых больших держав в мире. Ей подчинялись более тридцати государств. Из Балкан и Персии, Африки и Аравии, из Азербайджана и Гибралтара, из Крыма и Молдовы в Стамбул плыли каравеллы, тянулись длинные караваны, валки, на которых везли золото, серебро, медь, железо, ковры, шелк, янтарь, кораллы, слоновую кость и, конечно, самое ценное сокровище – пленников, рабов, детей – будущих янычар, а также каменщиков, художников, строителей, садовников и других мастеров, ученых, которые способствовали развитию в Турции науки, архитектуры, культуры. Вот почему в Стамбуле в те времена стремительно вырастали дворцы, удивительные минареты, сады, парки.

А перед вышколенными, с детства обученными жестокой науке убивать, резать и жечь янычарами Османской империи капитулировали мощные армии Европы. Морские пираты султана топили испанские, венецианские, генуэзские корабли. Терял спокойствие и папа римский, когда к итальянским гаваням приближались турецкие эскадры.

Далеко простирались владения Порты на юг, восток и запад, и почти не достигали земли Сулеймана севернее Черного моря. Поэтому султан мечтал о богатых украинских землях, о Киеве на семи сказочных холмах, о старинном Чернигове и Львове, о Польше, Литве, Московии... Но на пути стояли запорожские казаки.

Запорожская Сечь была крепким орешком, который не мог раскусить ни крымский хан, ни Селим, ни отец могущественного Сулеймана, даже когда объединял свои силы. Татарские

головорезы и турецкие захватчики не знали поражений, но не могли справиться с украинским казачеством.

Совсем недавно, в 1516 году, Селим I дал Мелик-Гирею строгий наказ: обеспечить, наконец, выход на север – уничтожить Сечь, завоевать Украину. Наконец, одна Запорожская держава может дать для Османии более тридцати других покоренных государств Запада и Востока. Хорошо знал Селим I о черноземах Украины, о лесах, полных зверя, о полноводных реках, полных рыбы и, главное, о чрезвычайно трудолюбивых украинцах, которые умеют обрабатывать землю, как никто в те времена. С согласия Селима I Мелик-Гирей составил план нападения: войти в сношения с московским великим князем, купить у него разрешение на то, что татары пройдут по территории Московии и нападут на Украину с севера, откуда никто не ждет опасности. Не поскупился Селим I: подарил тридцать тысяч золотом. «Подарок князю – это мелочи, – писал в секретном письме Селим своему подданному Мелик-Гирею. – Как только мы возьмем Украину, разрушим этот щит, за которым скрывается так много стран и народов, это золото, отданное северному медведю, вернется нам в тысячу и тысячу раз больше. И сам северный медведь будет целовать мои туфли...»

Но плакали султанские золотые монеты. Когда татарская орда во главе с Мелик-Гиреем, покинула Белгород и двинулась в Украину у Сиверского Донца ее встретил мощный ружейный огонь запорожцев.

Мелик-Гирей тут же отрубил головы нескольким нурад-султанам: значит, украинские казаки узнали о намерениях хана и султана.

Весь день атаковали татары лагерь казаков, а ночью произошло невероятное: запорожцы окружили лагерь ордынцев и стали уничтожать их какими-то невиданными огненными шарами, которые прыгали по земле, взрываясь по несколько раз¹.

Мелик-Гирей едва успел убежать с несколькими ордынцами, а все войско погибло. После этого татары целый год не высывывали нос из Крыма, а после вернулись к своей любимой разбойничьей тактике: по-воровски нападали на отдельные украинские – отдаленные от Сечи и Приднепровской Украины – села и брали ясырь. И здесь как повезет: перехватят казаки – смерть; сумеют убежать, обмануть – есть пища, можно разбогатеть и своим сюзеренам – туркам – отдать часть. В 1520 году Селим I умер. Султаном стал его единственный сын Сулейман.

Сулейман слышал, что Хусейн-паша привез с Кафи невероятной красоты украинку. В султанских гаремах украинские девушки ценились на вес золота.

Султану – человеку образованному и умному не нравилось, что в гарем согласно постулатам ислама поступали женщины не очень умные, очень послушные, забытые, в общем, такие, которые полностью соответствовали слову «рабыня». Жена султана должно быть рабыня из рабынь, быть послушной, покорной, тихой. Так велел закон.

¹ Запорожцы в битве с татарами в 1516 г. применяли пороховые ракеты, изобретенные в Сечи.

Султан Сулейман и Роксолана. Старинная гравюра

Но могущество Сулеймана позволяло ему не соблюдать закон.

– Неужели вы считаете, что я животное, что мне не хочется, чтобы моя жена пришлась бы мне по душе! – кричал Сулейман на своих слуг, которые подбирали девушек в гарем. – Мой гарем заполнен красивыми мумиями. Ну а если и мои сыновья, мои наместники будут похожи на своих матерей, беда нашей Порте... Вы понимаете меня?

И уже немало полетело голов подданных, которые по своему скудоумию не понимали султана. Но Хусейн-паша хорошо изучил своего повелителя и недаром поплыл в Кафу: там, на ярмарках, он внимательно изучал украинских девушек, кареглазых Роксолан. Не раз в молодости он ходил походами в Украину, даже втайне держал у себя украинку, уважал украинских женщин за красоту и живой ум, искренность и певучесть, нежность и гордость. Два сына его, которых ценили при султанском дворе за ум, были от украинок. Поэтому и надеялся Хусейн, что именно девушка из такого героического народа могла бы соответствовать султану.

Впрочем, только Аллаху известны переменчивые настроения, сокровенные желания и предпочтения великого Сулеймана. Казалось, что султан находился в эти дни в веселом, приподнятом настроении, но настроение – вещь чрезвычайно изменчива, особенно у могущественных повелителей. Поэтому у Хусейна дрожали ноги.

– О Аллах, помоги бедному Хусейну угодить великому Сулейману, – быстро шептал паша.

Паша пропустил вперед Роксолану. Мрачный бей подал знак молчаливым воинам. Те подняли тяжелые полотнища. Настя и Хусейн-паша ступили в приемную залу султана.

Еще сильнее задрожал паша, когда увидел, что рядом с султаном немало дворцовой знати и иностранных гостей. Это очень плохо: султан в таких случаях бывает слишком крутой, и если что-то не по его – демонстрирует перед всеми свое умение владеть саблей... Хусейн помнит, сколько голов покатилося с этого высокого тронного помоста. Но ничего не поделаешь – надо, наконец, рискнуть. Другого выхода у Хусейна нет. Его оттесняют, затирают при дворе, не любят из-за умных сыновей, за прежние успехи в походах и за роскошный дворец возле Босфора. Его лишили должностей при дворе, поэтому Хусейну необходимо отличиться перед султаном. И Хусейн понимал – или сейчас с него слетит голова, или он утрет нос своим завистникам. Сгибаясь в три погибели, словно ему свело живот от острой боли, практически касаясь пола огромным горбатым носом, Хусейн-паша трусил к султану. Его вид немного смешил Настю, отвлекал от тревожных мыслей.

Девушка шла ровно и гордо и радовалась, что у султана много людей. Пусть все видят, что украинки не склоняют голову перед завоевателями. «Отец мой умер, как настоящий воин. И мать не убегала от ордынцев. Не побоюсь и я сабли Сулеймана». И она уже не видела никого, кроме султана, смуглого, красивого, бородатого Сулеймана, который пошел ей навстречу.

«Чертова девчонка, – ругал мысленно Настю паша. – Хотя бы голову наклонила. Впрочем, ничего, пусть видит султан, что такая гордая, божественная красавица бросится к его ногам».

Все сверлили глазами Настю. Сквозь легкую ткань четко вырисовывалась стройная фигура девушки. Султан нетерпеливо махнул рукой – и Хусейн сорвал с Насти вуаль.

Наступила тишина. То, что разрешено по шариату только султану, увидели все: посреди дворца стояло чудо. Необыкновенная красота, нежные линии тела и одухотворенный, полный тоски, печали и ненависти взгляд лучистых карих глаз. Русая коса через плечо до колен. Одно мгновение постояла Настя, открытая для всех, потом решительно закрылась вуалью – строгая, нетронутая, гордая.

– О великий султан! – заученно приложив руки к груди, вещал скрюченный паша. – О царь царей, султан султанов! Твои храбрые воины еще не завоевали дерзкой казацкой Украины, но красивый цветок из этой страны сорван и брошен к твоим ногам!

И Хусейн театрально протянул руку к султану и строго, зло посмотрел на Роксолану. Да, именно сейчас она должна упасть в ноги Сулеймана и целовать его ботинки. Но она стояла... стояла, укутавшись вуалью; только лицо было открыто, и на красивых губах девушки дерзко сияла насмешливая улыбка.

– Падай! – заскрежетал зубами Хусейн. Она стояла.

Тишина невероятная: слышно было, как где-то далеко, в Золотом Роге, бьется о берег волна и стонут чайки.

Все ждут. Такого еще во дворце султана не было никогда!

Хусейн-паша отчаянно падает ниц и безропотно опускает голову, предусмотрительно обнажая морщинистую, как у общипанной курицы, худую шею.

Все смотрят то на гордую Настю, то на султана.

«За что такое наказание? – шепчет Хусейн. – Будь проклят тот день, когда я решил привезти султану украинку».

Он слышит, как стремительно к ним приближается Сулейман. Сейчас засвистит сабля и... Но сабля не засвистела.

Султан остановился перед Настей. Он очарован. Человек искренний и открытый, он не может скрыть своих бурных чувств. Смотрит ей в глаза, как под гипнозом.

– Как зовут этот очаровательный и такой свежий цветок Украины? – наконец тихо спросил Сулейман.

– Роксолана, – отвечает паша, не поднимая головы.

И снова молчание. Затем властным голосом султан сказал:

– Она будет моей женой. Она родит мне сына такого же, как я сам. А тебя, мудрый Хусейн, назначаю реис-эфенди² и дарю тысячу золотых кошельков.

* * *

– Кто вы?

Настя быстро вскакивает с канапе, взволнованная, встревоженная. Служанка быстро закрывает Настю вуалью – значит, за спиной какой-то человек.

Настя пытается разглядеть того, кто вошел в ее роскошные покои.

Высокий, смуглый, чернобровый человек в снежно-белой чалме. Он почтительно кланяется и произносит на ее родном языке:

– Добрый вэчир, дивчино!

До этого момента она полулежала на канапе, облокотившись на подушки, смотрела в огромное окно, любуясь заливом, который золотился, наливался горячей червленной медью. Восхищалась блеском минаретов и дворцов во время заката. Глядя на эту красоту, она думала об Украине, о родном Рогатине...

Как в эту пору хорошо в их селе! Сияют золотые кресты на церкви. Бредет стадо. Поют соловьи. Квакают лягушки в пруду. Пахнет любистком, мятой, от пруда и темных кустов за ригой веет прохладой. И тихо, умиротворяюще звенит колокол. А мимо их забора по улице проходит в черной рясе отец Петр, ее учитель, и говорит почтительно во двор:

– Добрый вечер...

Нет отца Петра. С саблей в руке защищал он святую церковь, а потом и сгорел в ней.

² Высокий чиновник султанского двора, кандидат на пост министра; букв. с арабского: начальник секретарей.

Добрый учитель, как ты радовался моим успехам, как гордился моей памятью и жадой к книгам! Не знаешь, что твоя ученица в турецкой неволе.

И в тот момент, когда Настя думала об отце Петра, она наяву услышала его голос:

– Добрый взчир, дивчино!

Поэтому стремительно вскочила.

Но нет, это только голос похож, а человек совсем не знаком. А может, это переодетый земляк, запорожский атаман, ее освободитель?

– Кто вы? – еще раз спросила Настя.

– Драгоман, переводчик.

– А-а, – разочарованно произнесла Настя.

– Мне приказал султан научить тебя турецкому языку. Я тоже с Украины. Иван Кочерга, из Переяслава. Хорошо знаю оба языка.

– Как вы здесь оказались?

Драгоман горько улыбнулся:

– Двадцать лет назад попал в плен. Неволя... Был я раньше писарем, а здесь быстро изучил турецкий. И вот теперь драгоман при дворе.

– Двадцать лет... А вас еще тянет в Украину?

– Иногда. Как увижу кого-нибудь оттуда. Защемит, защемит сердце, и отпустит.

– Но вы могли бы убежать. Вместе с другими.

– Мог бы... Но зачем?.. Как оно там? А здесь у меня семья, сын, дочь. И веру я их принял...

– Отурчился, обусурманился... – вспылила Настя, глядя презрительно на драгомана не замечая, что перешла на «ты».

Драгоман отвел взгляд, тихо сказал:

– Тебя ждет та же участь, дивчина.

– Нет, – громко воскликнула Настя, и даже сквозь покрывало было видно, как гневно горят ее глаза, пылает лицо.

Два евнуха-негра испуганно захлопали глазами, служанка вышла.

– Я дочь казацкого священника и никогда не забуду родное село, замученной мамы и отца – славного воина; не забуду Украину и буду жить для нее. А ты... Ты хотя бы одного казака освободил из неволи?

– Нет... – Иван Кочерга виновато посмотрел на девушку, затем опустил голову в белой роскошной чалме. Вдохнул. Затем усмехнулся: – Вот какие дети на Украине выросли! А я сына сначала учил украинскому языку да перестал. Он уже начал забывать мои уроки.

– Он будет служить туркам? – гневно спросила Настя. – Он, наверное, уже взрослый?

– Восемнадцать лет моему Али... Андрею. Али – лучший стрелок среди юношей Стамбула.

– Значит, он ловко будет убивать украинцев? Твоих родственников, твоих земляков. Есть ли у тебя, оборотень, крупика совести?

Драгоман подошел к окну, долго смотрел на фиолетовую гладь Золотого Рога.

Неподвижно стоял Иван Кочерга из Переяслава. Хрустели его тонкие пальцы.

* * *

– Почему грустит моя волшебная Хюррем? – Сулейман торопливо, стремительной походкой вошел в комнату. Слуги неслышно ускользнули прочь. Султан поклонился Насте, сел возле нее, влюбленно, с нежной улыбкой смотрел на девушку.

Белисарио Джоя. «Развлечения в гареме»

В этот момент он совсем не был похож на грозного завоевателя, царя царей, об одном упоминании о котором дрожали монархи всего мира. Рослый, стройный, быстрый в движениях, с моложавым смуглым лицом... Черные глаза... Залихвацкие острые усики... Борода... Сулейман напоминал простого парня, жениха, который пришел на свидание к своей суженой. Хотя он был девушке нелюб, но взгляд его – хороший, нежный, ласковый чем-то напоминал (как ни пыталась девушка избавиться от этого сравнения) взгляд одного рогатинского хлопца Семена, с которым она училась у отца Петра.

Настя понимала, что чувства султана к ней искренние. И его нежная улыбка, и пылкий взгляд, и почтительность, деликатность в обращении с ней, и разумные развлечения, цирковые представления, прогулки на ялике, книги – все свидетельствовало, что Сулейман действительно влюбился в юную украинку, которая вскоре должна была стать его женой.

– До сих пор я не знал, Роксолана, что такое счастье. Оно – не в завоевании государств, не в тысячах рабов, счастье мое – в твоих глазах, Роксолана, в тебе. Но мое счастье не будет полное, пока я не узнаю, что у тебя на душе. Чем помочь тебе, что гложет твое сердце, любимая? Почему такая грустная?

Она уже понимала турецкий язык и могла ответить Сулейману:

– Знает султан, что такое тоска по Родине? По родному селу? По Украине?

Нахмурился Сулейман. Закивал головой, вздохнул.

– На Троицу, в такой прекрасный Зеленый праздник, когда все село гуляло, радовалось, веселилось, когда так ласково светило солнце, залетели твои подданные. Разбойники, они убили моих отца и мать. Сожгли дом, храм, село. Вырезали невинных детей. Связали людей и со всем награбленным по-воровски бежали. Все это случилось каких-то восемь недель назад...

– Что я могу сделать, чтобы унять твою боль? – с горячностью воскликнул султан. – Как успокоить твое сердце? Скажи, Роксолана, и я исполню любую твою волю, твое желание – слово султана.

Настя не надеялась на такой разговор и на такую уступчивость султана, но обладая природным умом, воспитанная в образованной семье, не растерялась. После короткого раздумья девушка ответила:

– Я хочу, чтобы твои подданные, твои янычары больше не грабили мою Украину, мой родной край!

Султан встал, приложил руку к груди:

– Роксолана, даю слово султана, пока жив и пока мы с тобой вместе, ни один янычар не ступит на украинскую землю³.

Эти слова он повторил трижды, и Настя повеселела, даже улыбнулась:

– Слово султана твердое?

Сулейман хлопнул в ладоши, крикнул слугам:

– Сераскера и великого визиря!

«Пока мы вместе», – повторила про себя Роксолана. – Дорого мне обойдется эта клятва. Теперь я не имею права убежать в Украину, потому что принесу с собой смерть моему краю. Но что значит моя жизнь и моя судьба по сравнению с судьбой Украины, с жизнью тысяч и тысяч украинцев? Неужели пришло то время, о котором говорил Максим из Канева, о чем просила мать перед смертью?..»

Вошли двое: чернобородый старый военный министр – сераскер, и могучий, как гора, прославленный полководец, великий визирь, не раз возглавлявший орды янычар в походах. У них за спиной стоял эфенди с гусиным пером.

– Я повелеваю, – сказал Сулейман, – чтобы мои храбрые воины смотрели лишь на три стороны света – на восток, запад и юг. И чтобы они забыли о севере. Ни один турок больше не ступит на землю Запорожской державы – Украины.

Сераскер уважительно склонил голову в знак полного согласия. Заскрипело перо эфенди. А великий визирь Ибрагим-паша стоял ошеломленный: вот уже год он старательно готовил большой поход в Украину. Он решил утереть нос хвастливому Мелик-Гирею и доказать мелким воришкам – крымчакам, что такое настоящее военное искусство. Наконец, у визиря с Украиной были давние счеты: Ибрагим-паша за всю свою жизнь в бесчисленных походах и битвах лишь дважды терпел поражение и оба раза – от казаков. Стыдно вспоминать, как он в последний раз, пять лет назад, вынужден был позорно бежать от запорожцев и едва не утонул из-за серебряной кольчуги в Дунае. Он собирался жестоко отомстить казакам, повести всю армию, и вот...

– Я это делаю, – стальным голосом произнес Сулейман, – ради украшения моего дворца и всей Порты – несравненной по красоте и мудрости Роксоланы.

Великий визирь знал, что перечить султану – это все равно, что умереть на его глазах. «Надо действовать иначе», – мелькнула мысль у Ибрагима. Склонил в поклоне тяжелую львиную голову перед Сулейманом и, придерживая позолоченную саблю – подарок султана – вышел.

Ибрагим в душе ненавидел мальчишество султана и был уверен, что могущество Порты держится на нем, Ибрагиме. Знал, что за ним последуют паши, беи, шейхи, которые ревностно придерживаются шариата и которым православная украинка во дворце султана очень не нравится.

Храбрый, коварный Ибрагим-паша весь вечер просидел в одиночестве со своими мыслями, обдумывая планы.

Он завоеватель, воин. Убивать людей, рубить головы – его профессия, любимое дело, без этого он не мог жить. Он мечтал утопить Украину в крови. Это должен быть кровавый поход, о котором рассказывали бы потом сотни, тысячи лет. И вот... надо победить главного врага, который неожиданно появился перед ним, – Роксолану.

Ибрагим решил перехитрить султана.

Уже и полночь прошла, а он все взвешивал, обдумывал свой коварный замысел...

³ Подобное оправдание поступка девушки нужно было украинским авторам для возвеличивания роли Роксоланы и превращения ее в национальную героиню. На самом деле за время ее нахождения в Османской империи известно о более 30 набегах на украинские земли турецких войск. – *Примеч. ред.*

* * *

Шептались по углам, оглядываясь, рассказывали друг другу прислоняя чалму к чалме: новая пленница очаровала султана. Конечно, все свободное время великий и могучий Сулейман проводит только с ней, Роксоланой. Султан будто бы забыл, что у него есть гарем, где ждут его ласки красивых женщин тридцати покоренных стран. А он – только рядом с Роксоланой.

– Да, она колдунья, – гудел султанский двор.

– У них в Украине⁴ есть такое зелье...

– Конечно. Среди запорожцев тоже есть такие, которых стрела не берет.

Паши и шейхи обиженно шипели:

– Она упряма: креста не сняла с шеи.

– Султан теперь не будет воевать с богатой страной.

– Мы пообедем.

– Неужели наместник Аллаха захочет жениться на неверной?

Шептали, но, как всегда, все падали перед султаном ниц, гнули спины и до смерти боялись его гневного взгляда. В итоге немилость царя царей – это и была смерть.

Всех поражала красота Насти, ее ум. За несколько недель она свободно овладела турецким языком, быстро научилась читать и писать. Шейхи только удивлялись.

Прошло еще полтора месяца, и новая весть поразила могучую Порту: Сулейман скрепил свою любовь к Роксолане высоким браком. Он предоставил ей титул великой султанши Стамбула. Никогда за всю историю Турции женщина еще занимала такого почетного места.

Слетела голова с паши, который тихонько высказал свое недовольство этим браком, а кто-то донес на ухо султану о крамольнике. Сплетни, болтовня в султанском дворе утихли. Зато все восхваляли красоту и ум великой султанши...

О ней заговорила Европа.

Настя почти всегда сопровождала султана на различных выставках, банкетах, приемах и имела возможность разговаривать с иностранцами. Всю Европу поразила весть, что султанша – пленница из Украины – разговаривает с послами на латыни.

Удивлению не было предела. Откуда бывшая пленница из Украины знает латынь? Дипломаты пожимали плечами: в Украине, говорят, умеют только пахать и воевать.

– Нет, – объясняла Настя-Роксолана, – в Украине в каждом селе есть школа, которую ведет священник или бывший писарь Войска Запорожского. Они и учат детей церковнославянскому и латинскому языкам.

Настя вздыхала, вспоминая, как отец Петр хвалил ее при родителях, удивлялся ее памяти и уму. «Она гетманом смогла бы стать», – не раз повторял отец Петр. «Немного не угадал мой учитель, – вспоминала теперь Настя. – Я почти гетманша. А может, и больше».

А европейские послы быстро разнесли весть о высокой культуре в Украине. Заговорили и о ней, о Роксолане.

⁴ Как пишет историк Леонид Соколов: «Остановимся на значении термина "Украина", который в конце XVI века стал использоваться в качестве географического названия, относящегося к юго-восточным приграничным землям Речи Посполитой, а именно к району Поднепровья. К западу от Украины лежали Волынь и Подолия. Термины "украина" "украина" которые неоднократно встречаются в летописях, начиная с 1187 года, не имели характера имени собственного, принадлежащего какой-то конкретной местности, а просто означали окраинные, приграничные земли. Другое дело, что украинские авторы приводят только те примеры упоминаний в летописях слова "украина", где эти упоминания относятся к местностям, ныне входящим в территорию Украины или близким к ней, но совершенно игнорируют куда более многочисленные упоминания этого слова, относящиеся к землям, весьма далеким от территории современной Украины. Таким образом, Украина в конце XVI – первой половине XVII века, это юго-восточная окраина польских владений – район Поднепровья». Как известно, главная героиня произведения С. Плачинды, Роксолана жила в XVI веке. – *Примеч. ред.*

«Для его величества султана, – писал посол Венеции в Стамбуле Доменико Травизано – Роксолана настолько желанная жена, что как только он ее узнал, не захотел брать никакую другую женщину. Так не поступал еще никто из его предшественников, потому что у турков есть обычай менять жен».

Французский дипломат отмечал: «У нее милый и скромный вид...»

Сам Сулейман Великолепный называл свою жену Хюррем – радостная. И действительно, она была особенно очаровательна, привлекательна, когда улыбалась или радовалась.

А улыбка все чаще появлялась на лице Насти: она радовалась тому, что понемногу укрощает султана. Ее радовала клятва Сулеймана о ненападении на Украину.

«Многим тысячам украинцам сохранит жизнь клятва Сулеймана, – думала Настя. – Как же расцветет, окрепнет моя Запорожская держава, когда на нее прекратит нападать Турция! Нет, сжигать дворец султана не стоит, лучше взять его как следует в свои руки. И следить за Ибрагимом. У него самая большая армия в мире. Чует мое сердце: Ибрагиму не нравится клятва Сулеймана. Надо следить, чтобы проклятый визирь не переубедил султана. Надо окружить визиря моими верными слугами...»

Но султан держал свое слово: вскоре он послал великого визиря с войском в поход на Восток.

Джулио Розати. «Турецкие наездники»

...Вечерами Настя читала. У нее появился еще один учитель древнегреческого языка. Очень быстро она овладела этим языком и могла читать в подлиннике Гомера. Этим очень гордился султан, хвастался перед всеми иностранными послами.

Почти ежедневно к ней заходил Иван Кочерга со своим сыном Али. Тогда Настя провожала евнухов и служанок прочь, и разговор с драгоманом и его сыном затягивался допоздна.

Иногда они переходили на шепот...

Нет, Настя не довольствовалась одной лишь клятвой султана. Она хотела большего. У нее было достаточно ума для этого.

* * *

Шли соревнования. Молодые наездники, конники султана демонстрировали свою ловкость, смелость, силу. На плацу, в тени большого белого шатра сидел Сулейман. Рядом с ним – Настя. Здесь же Хусейн-паша, беи, шейхи, паши, эфенди, послы.

Сильнее всех переживала Роксолана и драгоман Иван Кочерга: среди претендентов на золотой приз падишаха был и Али. Пока он шел впереди вместе с четырьмя молодыми. Но их ждал сюрприз: с султанской конюшни должны были вывести дикого коня – аргмака. Победит тот, кто дольше продержится на нем. Пока победителей не было – почти все погибали под копытами.

Но Али кое-что посоветовала сама султанша. Он садится последним. Перед тем как запрыгнуть в седло, глянет в глаза лошади – это обязательно. Затем похлопает ее по шее, скажет несколько слов. Все это должно помочь.

Вот уже закончили рубить лозу, скакать наперегонки. Лишь трое сумели перепрыгнуть большой ров с водой. Среди них – Али на чистокровном арабском жеребце, подаренному ему султаншей.

Конюхи подводят закованного в цепи дикого жеребца...

Летит на землю один всадник, второй. Замерли зрители.

Но вот подходит Али, похлопывает по шее жеребца, заглядывает в глаза и быстро вскакивает в седло. Спущенный с цепей конь сразу встает дыбом. Падает. Встает. Бросается в аллюр. Прыгает. Но сбросить наездника не может. Еще немного времени – и лошадь идет красивой рысью перед султаном. Затем – шагом. Али полностью управляет лошадыю.

– Приз отдать этому воину – он достоин моего внимания! – Воскликает в восторге темпераментный Сулейман. Юноше преподносят позолоченную саблю с драгоценным эфесом.

– Сулейман, – обращается к султану Настя на латыни, – Али стоит того, чтобы его поставить начальником над другими воинами. Он покажет хороший пример, он научит своих янычар хорошо держаться в седле!

– Да, моя Хюррем, – говорит султан, – ты больше заботишься о мощи армии, чем мой глупый старик сераскер...

Напрягали слух паши и шейхи и никак не могли понять, о чем говорит султан с султаншей.

– Назначаю Али агой, – объявил Сулейман, и все почтительно склонили головы, хотя во взглядах многих – зависть: редко какому молодому воину удастся сразу стать начальником над янычарами.

...А молодой ага с отцом все чаще посещал султаншу. И не напрасно.

* * *

Долго, слишком долго этим утром не выходил из спальни Роксоланы великий султан. Явился в свои покои веселый, радостный, возбужденный.

Только сел завтракать, как вбежал сераскер, все утро карауливший султана.

Упал на колени министр, затряслась его огромная черная борода.

– О, ве... ве... – не мог ничего произнести военный министр.

Веселый Сулейман понял, что сераскер хочет сообщить ему какую-то скверную новость.

– Чем хочет огорчить меня слуга в это волшебное утро, когда я узнал, что моя жена, великая султанша Роксолана-ханум, подарит мне ребенка? Говори, не запинаясь, я выслушаю тебя.

– О тень Аллаха на земле! Этой ночью три галеры с рабами с оружием снялись и... ушли в море, на север. С ними сбежали более тысячи плененных. Почти все с Украины, есть и из Московии. Убиты около ста янычар – охранников и надзирателей. Прошу высокого разрешения отправить за ними погоню. Может, догоним...

Султан молчал. Наконец сказал:

– А когда бежали гребцы и рабы? В полночь? На рассвете?

– Никто не знает, повелитель Вселенной. Утром мне доложили. Очевидно – около полуночи, о сердце Вселенной.

– А что делал в это время мой сераскер?

Министр опустил голову.

– Ну?

– Спал, о улыбка Аллаха!

– Ага, спал! – перебил его султан. – Я давно заметил, что мой сераскер очень любит спать. Что же, надо это учесть и позаботиться, чтобы слуга спал дольше.

Султан кивнул охранникам, едва заметно провел ребром одной ладони по другой. Этого было достаточно. Хмурые крепкие охранники схватили своего министра, любое слово которого до последнего момента было для них законом, потащили во двор и там обезглавили.

Нет, любовь к Роксолане не сделала Сулеймана мягче к подчиненным. Он оставался тираном.

Глаза его горели яростным огнем, который погас мгновенно, как только в покои вошла Роксолана. Улыбающаяся, радостная она сказала, что хочет позавтракать вместе со своим дорогим мужем.

Султан велел подать изысканные блюда.

А Роксолана в душе праздновала большую победу. Больше месяца готовила она побег своих земляков. А этой ночью Али-ага вместе с отцом и другими пленными изрубили стражу, вывели из портовых подземелий рабов-невольников с Украины и Московии, вооружили их. Потом уничтожили стражу возле галер. А там их уже ждали, готовились, знали.

Еще никогда так быстро не мчались галеры по воде – гребцы уже не были рабами, и силы их удесятарились.

Не угнаться уже султанским янычарам за тремя галерами, которые режут волны Черного моря. Подняты паруса, и попутный ветер несет счастливых, возбужденных казаков к родным берегам, «в мир крещеный, в тихие воды, в ясные зори»...

В обществе любимой Роксоланы султан забыл о потере. А может, и не забыл, просто у него изменилось настроение. И понимал Сулейман: никто не догонит галер, на веслах которых сидят лучшие гребцы, бегущие в свой родной край, на свободу.

А они действительно быстро мчались по морю, поседевшие, почерневшие от солнца, ветра, тяжелой работы, горькой неволи, они весело болтали и вспоминали добрым словом Настю-султаншу, слава ей в веках.

* * *

Прошел год.

У Роксоланы радость: родился сын Селим. И рада Настя, но ей немного грустно: хороший мальчик, но... нет уже возврата в Украину. Не только клятва Сулеймана, но и сын приковал ее к чужбине. Впрочем, это же сын! Он вырастет... И такой будет, как Али. И тогда... О, тогда они могут вместе вернуться... Что ж, посмотрим.

Нянь много. Рабыни так и выются подле молодой матери и ребенка. Только иногда замечается Настя: ох, если бы это родная мама была со мной, и если бы я жила в своем Рогатине; родила бы сына Семену; приходили бы подружки, соседки, родственницы, приносили роженице

и новорожденному подарки: «чтобы рос здоровый и счастливый», а затем устроили бы смотрины, крестины; а какие песни пели бы; и как красиво в церкви хор пел бы «многая лета». А в саду щебетали бы соловьи, и кукушка накуковала бы сыну долгие-долгие годы...

Замечается Настя, потом оглянется: роскошные покои, ковры, золото, серебро, бархат, рабы... и все чужое. Но теперь есть утешение: маленький Селим. И еще: девятая галера недавно исчезла с Босфора. Почти все рабы – украинцы. Есть и белорусы, московиты. Они уже дома. Вспоминают ли там ее – султаншу? Турчанку.

Нет, не турчанка она. До самой смерти останется украинкой, дочерью рогатинского священника, славного рыцаря Запорожской Сечи. Не предаст она в душе ни веры, ни Украины, ни памяти родителей.

Бороться.

И есть с кем. Она уже немного знает о планах Ибрагима. Хитрый, старый пес. Надо ей быть настороже... И она изучает арабский язык, чтобы общаться с арабами – рабами великого визиря (он любил именно их). Она одаривает слуг, они должны все слышать и все видеть.

Настя готовилась.

Готовился и великий визирь.

Летели напряженные дни, месяцы...

А внешне все выглядело спокойно, размеренно.

Каждое утро служанка подвозила Роксолане тележку с едой. Сверкали позолоченные зарфы – блюда для кофе, инкрустированные драгоценными камнями (каждый камень – знала Роксолана – стоит десять тысяч пиастров), серебряные мангалы – жаровни, фарфоровые блюда с позолоченными крышечками. Служанка крутила столик, а Настя выбирала блюда. Остаток отдавала слугам.

Затем – прогулка с маленьким Селимом по саду. Роскошный обед. Путешествие по морю на яlike – любимый отдых Насти. Приказала грести далеко в море. Потом час ялик качался на волнах, а Настя всматривалась в голубой горизонт, из-за которого выступали далекие неподвижные облака. Ей казалось, что это именно с Украины подул ветерок. Иногда она ощущала запахи мяты, любистка. Иногда она слышала кукушку... Чьи-то родные голоса... Тогда приказывала возвращаться. Как можно быстрее.

Вечером – книги. И арабский язык. Собственно, она приглашала рабов, и они по-простому учили султаншу: рассказывали сказки, легенды, сообщали новости.

Она знала, что при султанском дворе, в порту, среди янычарской стражи, на галерах очень много лазутчиков Ибрагима. Великий визирь хочет разоблачить, застать на горячем тех, кто устраивает побеги невольников на галерах. И все же недавно одиннадцатая за последнее время галера исчезла из стамбульского рейда, и через двое суток судно, как и все предыдущие, бросило якорь у самой Большой Хортицы и было сожжено беглецами-казаками.

Ибрагимовские подхалимы, следовательно, не помогли.

Их разоблачали, таинственным образом убивали, потому что они все были турки. А Настины верноподданные – арабы и негры. Да еще армяне, грузины и, конечно, свои – украинцы, которых почти не осталось в Стамбуле, – они бежали на свободу благодаря ей.

Правда, ей стало труднее устраивать побег на галерах, но Настя не отказывается от своих планов. Пусть злится Ибрагим, свирепствует. У него должно кончиться терпение. Этого и ждет Настя: он тогда начнет действовать грубо, опрометчиво – и она воспользуется этим. Идет тайная война.

Фабио Фабби. «Гаремные страсти»

Настя, опершись на бархатные голубые подушечки, полулежит в своей роскошной золотой беседке. Вокруг – цветы. В серебряных мелких вазах плещутся золотые рыбки. По золотым тонким решеткам прыгают вниз головами пестрые попугаи. В саду поют соловьи, напоминая Насте Украину и родительский сад...

Солнечные лучи пронизывают кусты цветущего жасмина, блуждают по персидским коврам, отражаются от золота в беседке, наполняя ее сказочным нежно-оранжевым светом, и Настя в нем кажется неземной богиней.

Перебирая бриллианты в шкатулке, султанша ждет венгерских послов. Месяц назад в этой беседке она принимала испанских послов. Испанцы, которым серьезно угрожала мощная Порта, искали покровительства у любимой жены Сулеймана. Так впервые в истории Турции султанша принимала дипломатов.

Золотая беседка – в султанском саду, в которую под страхом смерти запрещалось заходить мужчинам. Но Настя нарушила это правило: именно в золотую беседку пригласила испанских посланников и полчаса разговаривала с ними на латинском языке. А через три дня по ее наущению состоялся первый прием у султана. Испанского посла ввели под руки (чтобы случайно не бросился неверный на султана!) в покои Сулеймана. Внесли ценные подарки: кораллы, бриллианты, золотую статуэтку буйвола. Стоя, испанец красочными, пышными высказываниями восхвалял Сулеймана, просил милости и мира для Испании. Султан кратко поздравил посла и сказал, что дарит испанскому народу мир. Испанца, придерживая за руки, вывели. Прием закончился.

Так благодаря Насте Лисовской началась первая страница в истории турецкой дипломатии.

Это известие молниеносно облетело напуганную янычарами Европу. За неделю посланцы венецианских дождей принесли в золотую беседку девять серебряных ваз, наполненных зеркальной водой, в которой плескались красные рыбки. На серебряном подносе к ногам Роксоланы положили символическую золотую корону повелительницы и спасительницы Европы.

На другой день Настя говорила султану:

– Заря Аллаха, тебе надо оставить Венецию в покое. Этим ты покажешь миру свое великодушие... История прославит тебя.

Всемогущий завоеватель, тиран, повелитель тридцати государств послушно склонял голову перед своей мудрой Роксоланой и готовился принять послов Венеции.

Сегодня Настя принимает венгерских послов. Она хорошо понимает причину их посещения: только что турецкие янычары опустошили Венгрию, бросили ее к ногам Сулеймана Великого. В яростной битве у Могача погиб сам венгерский король Людовик I.

Теперь на престол Венгрии местная знать выдвинула храброго венгерского дворянина и полководца Яна Заполия, но неожиданно вмешалась Австрия, которая доказывала свое право на престол: покойный Людовик I был ставленником Вены. Австрийская знать без особых усилий сделала королем Венгрии своего вице-князя Фердинанда.

Яна Заполия скинули с престола. В обескровленной, ограбленной дотла стране начались распри между дворянами, возмущался и народ.

...Роксолана была уверена: к ней должны прийти именно сторонники Яна Заполия.

В прихожей беседки четыре гигантских евнуха-негра снимали уже сапоги с послов, мыли им ноги, окуривали душистым зельем. Наконец послы надели легкие сандалеты и вошли в волшебную беседку.

Шесть раз низко поклонились послы султанше, их было двое. Один – Настя снисходительно улыбнулась – знакомый уже ей венецианец: он взялся хлопотать за Венгрию, очевидно, потому что знал дорогу к золотой беседке. А второй – высокий, стройный, с лихими черными усиками, тонкими чертами лица, холодными серыми глазами. Что-то очень знакомое Насте. Он как раз и начал:

– Приветствую тебя, преславная и волшебная султанша, поздравляю от имени венгерского народа и короля нашего Яна Заполия и его жены Изабеллы...

Роксолане понравилось, что посол признает своим королем славного венгра Заполия. Она сама больше симпатизировала Яну Заполию, потому что понимала, в какие страшные лапы попадает венгерский крестьянин: будут брать турки, сдирать и свои господа, а тут еще и Австрия загребушую руку протягивает...

Настя пристально присмотрелась к послу. Наконец перебила, взволнованно воскликнула:

– Вы Эрнст Тынский? – Посол побледнел.

– Да, это вы... Садитесь, – она показала на подушки. Венецианец сел, а Тынский продолжал стоять. – Однажды вы проявили слабость духа...

Тынский присматривался к султанше и через покрывало узнал... бывшую желанную свою невесту. Упал на колени.

– Вы... вы...

– Ничего. Забудем о прошлом, – вздохнула. – Только то, что вы пришли сюда, в грозное гнездо всесильного повелителя, которого может рассердить ваша просьба и... вы рискуете головой, одним словом... И то, что вы добились встречи со мной, говорит, что вы стали, Эрнст, гораздо храбрее. И я ценю... Более того, я сочувствую... Я за то, чтобы Венгрией правил венгр...

Дрожащими руками Тынский разворачивал какой-то подарок. Он, кажется, потерял дар речи. Он молча протянул Насте небольшую золотую икону. Образ Богоматери.

Быстро схватила ценный подарок. Встала на колени. Откинула голубое покрывало, взволнованно поцеловала икону. Прижала как что-то дорогое-дорогое. И будто услышала голос матери:

– Помолимся Господу... Отвратит и поможет...

Тихо стало в золотой беседке... Через несколько дней королем Венгрии стал Ян Заполия.

– Хватит завоевывать Европу, – говорила Настя султану. – Обрати свой взор на Восток... Там много твоих врагов...

...Пир устроил Сулейман в честь победоносного завершения похода турецкой армии во главе с Ибрагимом-пашой в Азию. В этот поход великий визирь брал с собой старшего сына Сулеймана, шестнадцатилетнего Баязида, от первой жены султана Фатимы.

Заметила Настя: Баязид со злобой смотрит на нее после похода, Ибрагим-паша делает свое дело.

Пир бушевал. Звучала восточная музыка. На коврах танцевали пленницы. Султан не скупился на дорогие подарки своему визирю. Но тот сидел мрачный.

– Почему мрачен лоб у моего друга? – спросил ласково Сулейман. – Мало золота я подарил? Или кто обидел славного полководца?

Ибрагим-паша только и ждал этого вопроса.

– Нет, солнцеликий, – начал он, – никто меня не обидел, и щедрость твоя несравненная. Но не устраивает меня этот поход, хотя и расширил я твои владения и привез много богатства.

Он говорил правду, этот воин почти сорок лет провел в седле боевого коня.

– У меня такое впечатление, что я гонялся за мышами. Это же курам на смех: у меня были противники, не достойные моего меча. Я думаю, что мы делаем совсем не то, государь. Ты забыл наши планы. Мы должны взять Украину – сказочный край. Какие там земли, там люди крепкие и здоровые! Нет лучшего янычара, как выходца с Украины. А сады, а хлеб, который нам так нужен! А еще мед, леса вдоль Днепра – они как нарочно растут для наших галер. А женщины, которые там – их кровь оздоровит нашу Порту: моим воинам нужны здоровые женщины, а тебе, султан, хорошие ребята, хорошие солдаты. Имея покоренную Украину, мы удвоим наше могущество. Не забывай, что Украина – это ворота в Варшаву и Москву...

Блестели глаза великого визиря, он горячо доказывал, размахивая своими огромными руками. Задумчивый сидел Сулейман.

– И все-таки возьми их, мой султан... Я не могу забыть обиды, нанесенной мне запорожскими казаками. Я спасся от них позорным бегством. Я бежал, как серый волк. Тогда запорожцы перехитрили меня. А их было в четыре раза меньше, чем нас. Такие ободранные, почти голые, одетые в лохмотья... И перехитрили! Два дня отражали наши атаки, показывая, что их совсем мало. А потом, истощив нас, ударили свежими силами. Полегло много янычар, повелитель. Разве мы имеем право перед Аллахом не отплатить за тот позор и кровь?

Сулейман молчал. Он глубоко уважал великого визиря. Это он, Ибрагим-паша, собственноручно учил юного Сулеймана сидеть в седле и ловко орудовать саблей. Он учил тактике, военной хитрости, как сейчас учит Баязида. Он, Ибрагим, еще маленького Сулеймана брал с собой в походы, закалял его. Наконец, Ибрагим был великим визирем еще при отце Сулеймана, и слава выдающегося воина пришла к Ибрагиму еще во времена деда Сулеймана. Да и сам султан во всех походах и сражениях имел лучшего друга – Ибрагима-пашу.

Поэтому молчал Сулейман – думал. А Ибрагим продолжал:

– Не помогут теперь ни хитрости украинских казаков, ни их храбрость, ни мужество народа. У нас такая сейчас армия, как никогда. Настал момент! Миллион янычар поведу на север.

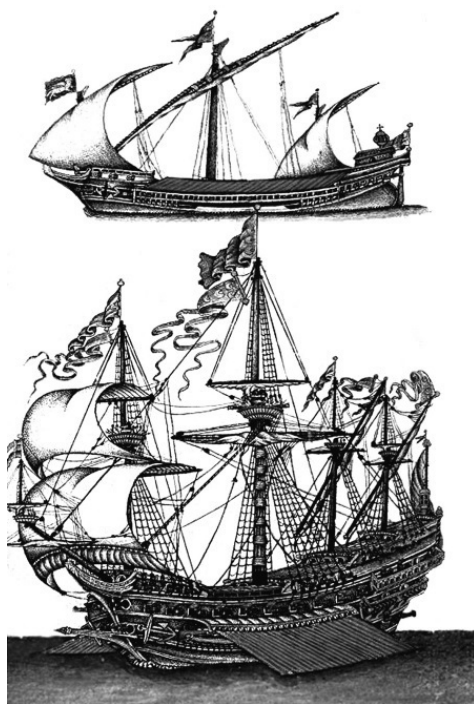
А Сулейман молчит. Он понимает Ибрагима-пашу, понимает, что именно так и надо поступать. Но он помнит, как засияло лицо Роксоланы, когда она услышала клятву о том, что турецкие войска не нападать на Украину. Как она посмотрела тогда на него! В тот момент он, Сулейман, понял, что счастливый султан из всех султанов, потому имеет не наложницу, нежного друга, имеет чудо – внешней красоты и необычайной душевной красоты жену, рядом с которой отдыхает от повсеместного фарисейства в Порте, получает огромную радость для сердца. И все это разрушить?

– Нет, – сказал наконец Сулейман. – На Украину мы не пойдем. Я слово дал. Пойдешь на Польшу и Литву.

– На Польшу? – подскочил Ибрагим. – То есть освободить Украину от такого грозного соседа, как Польша? Дать казакам еще сильнее укрепиться? Нет, на Польшу идти нельзя, потому что тогда Украина станет нашим самым мощным соперником. Ведь Польша все-таки ослабляет казаков, и король польский тянет с Украины соки.

– Тогда мы заключим с Украиной соглашение и попросим разрешения пройти на Москву.
– Казаки на это не пойдут. Они не пропустят иноверцев через свои владения.
– Мы напомним им о Мелик-Гирее, которого пропустил великий князь.
– Московский государь жадный, он и того золота не видел в своей берлоге, а казаки неподкупные...

– Нет, это невозможно, – сказала Роксолана, когда Сулейман начал рассказывать ей план нападения на Москву. – Московиты – наши братья по крови и вере, и украинцы не пропустят твои войска в Москву. Но разве Украина может пойти на такое соглашение с турками: представь, что останется от казацкой державы, если по ней, по ее полям, лугам, селам и городам промчится миллион воинов на лошадях? Останется пустыня. Да и мы, Сулейман, имеем опыт. Учила я по истории еще дома, в Рогатине... В девятьсот третьем году с Волги на юго-запад шло мощное племя венгров. Через Киевскую Русь на юг, в далекие края за горы.

Турецкие корабли времен Османской империи

Они грабили по дороге наши села и города, а когда перешли Карпаты, увидели плодородную долину, где жили в мире и согласии молдаване и гуцулы. Венгры оттеснили молдаван, а гуцулов закабалили и заняли Дунайскую низменность. И потом ни князьям, ни нашим гетманам не было ни времени, ни возможности освобождать братьев за Карпатским хребтом. Вот чему учит история. Я прошу тебя – не делай никаких походов на север... Если ты не слушаешь...

– Моя прекрасная ханум, разве я могу тебе отказать? – поспешил заверить Сулейман, и Настя одарила его искренней улыбкой.

* * *

А Ибрагим-паша не унимался. Где там – галеры исчезали и дальше. Визирь увеличил количество своих лазутчиков среди охранников порта, янычар и даже среди гяуров – воинов православной веры. Но успеха пока не было. В борьбу включилась Фатима – первая Сулейманова жена, мать Баязида. Яростно ненавидела Фатима Роксолану – через эту украинку султан забыл о ней и на сына не обращает внимания. У него всегда только Селим. Баязида воспитывали

вает великий визирь. Поклялась Фатима во что бы то ни стало отравить Роксолану, ее поддерживали фанатики ислама, шейхи, знатные ханум, ее поддерживал и сам Ибрагим. Но великого визиря султан неоднократно посылал в походы, и все знали, что такова воля Роксоланы.

Однажды, наслушавшись шейхов, беев, эфенди, разгневанный Ибрагим-паша посетил султана, стал горячо доказывать:

– О тень Аллаха на земле, вспомни своего деда, знаменитого Баязида II, вспомни его походы на Украину, на богатые земли Подолья, в степи. Сколько добычи, какие богатства! А сейчас... Ты задумал получить Москву, покорить Север. А путь лежит через Украину. Ты говорил, что покоришь Польшу, Литву. Хочешь построить мечети в Вене. Но ключ к этим странам, богатых городов – Украина. Надо идти туда! Надо, господин! Султан как будто бы не слышал.

– Посмотри, что происходит. Бежали все невольники с Украины. Украдено более двадцати галер, а сколько убитых охранников! Ослабел наш флот. Нет хороших галер, нет крепких, выносливых гребцов. Рабы с Востока – худые, чахлые, только кожа да кости, как их ни корми. Они плохо гребут, мы проигрываем любой морской бой. Они долго грузят. А украинцы сильные, закаленные. Корабль может идти без остановки десять дней! Владыка Вселенной, откажись от своей клятвы перед Роксоланой! Этого требует ислам, этого требует Аллах!

Вскочил жестокий Сулейман. Взялся за саблю. Едва сдержался.

– Вон! – показал на выход.

Между султаном и великим визирем пролегла тень вражды. Еще сильнее возненавидела султаншу стамбульская знать. Несколько раз пытались отравить ее, но напрасно: у султанши были верные слуги. Они все видели, все слышали.

Весной 1531 года сын Мелик-Гирея молодой вероломный крымский хан Саадат-Гирей написал султану письмо о том, что он собрался в большой поход на Украину. Просит к маю помощи: стотысячное войско во главе с Ибрагимом-пашой.

У султана не было секретов от жены. Он прочитал ей письмо. Спросил, как быть.

– Я отвечу, – сказала Роксолана. И продиктовала на турецком языке ответ: на Троицу подойти к Черкаскам со всем войском. В это же время туда подоспеет и великий визирь Ибрагим-паша со своей армией...

Пришел Саадат-Гирей в Черкассы в назначенное время. Стал ждать Ибрагима-пашу. А казаки окружили татар и уничтожили всю армию до последнего воина. Голова Саадат-Гирея долго торчала на воротах в Чигирине. А Ибрагим-паша в это время бродил со своими воинами по палящим пескам Аравии.

Понял тогда великий визирь, почему его сюда загнали, – это воля Роксоланы.

Вернулся Ибрагим-паша злой, разъяренный. Решил действовать решительно – созвать совет шейхов, повлиять на султана, поднять весь Самбул. Но Настя опередила визиря.

– Великий визирь замыслил против меня недоброе, хочет меня убить, – резко сказала Настя Сулейману. – Ты должен казнить его. Он уже не повинется тебе – собирает шейхов за твоей спиной! Что это – заговор?

Да, Настя дождалась. Не выдержали нервы у Ибрагима, пошел напролом. Что ж, она выиграла...

Сулейман призвал эфенди и начал диктовать грозный приговор Ибрагиму. Резко чеканил слова. Так подписал футву, скрепил своей печатью. Приказал отнести для утверждения муфтию – председателю мусульманской общины.

Муфтий долго читал приказ. Изучал каждое слово, потом закрыл глаза и что-то шептал. Руки его дрожали, дрожала борода. Наконец муфтий взял из рук своего слуги гусиное перо и вывел под султанской печатью единственное слово: «Олур» («можно»). Снял кольцо, награв его на огне и утвердил футву печатью, где в наитончайшей резьбе, в контурах главного мусульманского храма Кааба, можно было разобрать надпись турецкой вязью: «Великий муфтий».

Замер весь султанский двор, когда во время совета шейхов двое пашей в сопровождении янычар поднесли Ибрагиму приговор.

Пробежав глазами футву, великий визирь отшвырнул ее прочь. Оглядел всех своих друзей и сказал:

– Она победила!

По шариату высокие сановники Турции, приговоренные султаном к смерти, не должны ждать, пока их казнит палач. И Ибрагим-паша, еще мощный, сильный полководец, выхватил свой кривой острый нож и, взглянув на Баязида, словно хотел что-то передать ему, изо всех сил ударил себя в грудь.

Удар был точным...

С почестями хоронили Ибрагима-пашу. Погрустнел Стамбул. Ревели пушки в Золотом Роге. Армия прощалась со своим полководцем. Склонили головы паши, шейхи – нет Ибрагима; нет храброго и мудрого полководца, ослабла армия. Она (имя Роксоланы боялись произносить) сделала больше, чем все враги вместе взятые.

А Роксолана стояла у окна, наблюдала похоронную процессию и не чувствовала сожаления. Была строгая и решительная. Да, это она его убила, она.

«За оскверненные наши села, за слезы Украины, за утраченное счастье мое и всех плененных девчат. За смерть отца и матери... Буду мстить и дальше. Сколько смогу. До последнего вдоха».

* * *

– Настя! Настя – я...

Она остановилась. Крик доносился из какой-то галеры. Голос отчаянный, но такой знакомый и родной.

Настя в сопровождении сына Селима – стройного чернобрового юноши, Ивана Кочерги из Переяслава, Али, своих приближенных ханум и служанок только сошла с ялика, на котором веселая компания прогуливалась по морю.

Все увидели: ее звал с далматской бригантины какой-то раб – гребец, прикованный цепями к сидению. Галерник старый, голый по пояс, черный от солнца. Только белая борода, волосы на голове и пышный ус. Эти усы были такие знакомые...

Роксолана в покрывале, удивляясь, как ее узнали, подошла ближе к галере.

– Дядька Максим!

И сразу воскресли перед глазами далекие-далекие времена: тихий солнечный день, праздничный стол под грушей, пахнет любистком и медом, гудят пчелы над цветами, и сияют золотые кресты на церкви, «Иван, и у тебя девка – как маков цвет...», и аист на риге...

– Дядька Максим, откуда вы?

– Из Египта! По всему миру носит меня горькая судьба! Восемнадцать лет уже, Настя. Восемнадцать лет...

– Как вы узнали меня?

– А мне сказали: вон султанша. А я знаю, что это ты. Все знаю.

Настя велела Али привести хозяина бригантины. Вскоре появился низенький толстяк с выпученными черными глазами. На арабском языке Настя сказала, что хочет выкупить у него всех рабов-славян. Упал на колени толстяк, слезно умолял пожалеть его, потому что на галере сорок два казака, а таких крепких гребцов он сейчас нигде не возьмет. Поэтому сидеть ему в Босфоре год... Но когда золотоноша султанши подал толстяку драгоценные камни, кошельки с золотыми дукатами, владелец бригантины быстро согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.